

УДК 947.081/083

**КОНФЛИКТ КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КУПЕЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.***И.В. Маслова***Аннотация**

Статья раскрывает роль и значение конфликтов в истории российского предпринимательства XIX – начала XX в. На примере уездных городов Вятской губернии исследуются различные типы конфликтов, возникавших во внутригородской среде.

Ключевые слова: конфликт, предприниматель, купечество, Вятская губерния, повседневность.

Конфликт как противостояние и противоборство интересов играл важную роль в процессе исторического развития. Стремление к состязательности, в основе которой всегда лежит принцип конфликтного столкновения, породило рыцарские турниры, интеллектуальные игры, политические выборы. Конфликты в истории связаны с несовпадением интересов социальных групп и берут свое начало в отношении к собственности и ее распределению, в отношении к власти и приемам реализации властных полномочий. Конфликт в истории носит «ритуальный» характер в силу выполнения его участниками многочисленных правил в процессе его протекания. В этом заключается главное отличие конфликта от борьбы, в основе которой лежит проблема выживания, в результате чего она чаще всего приобретает характер вооруженных столкновений и войн. Борьба в качестве необходимого компонента включает в себя активные усилия, направленные на решение проблемы. Категория борьбы дополняет понятие противоречия, конкретизируя характер взаимоотношений его противоположных сторон. Борьба – одно из основных понятий диалектики. Его содержание включает в себя не только сам момент борьбы противоположных сил, но и момент их сосуществования, который и обеспечивает целостность процесса [1].

Проблемы политической, экономической и социальной борьбы нашли широкое отражение в работах, посвященных изучению истории на макроуровне. Переход исторической науки на микроуровень изменил приемы и методы исследований и позволил перейти к изучению отдельных событий в жизни общества. Одним из таких событий следует считать конфликт.

В дискуссиях по конфликту преобладает убежденность в его позитивных функциях, выражающихся в том, что, будучи формой противоречия, конфликт является источником развития [2, с. 67]. Наиболее существен этот аспект конфликта в механизме саморегуляции «третьего сословия», важнейшей составной

частью которого стал процесс самоидентификации купечества в среде российского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в.

Конфликты отличаются разной интенсивностью, способны ускорить социальную интеграцию, ликвидировать враждебность, усилить социальную солидарность. Мультипликатором конфликтных ситуаций являются, как правило, переходные периоды в истории развития общества. Вторая половина XIX в. – период капиталистической модернизации России, связанный с активным развитием различных форм предпринимательской деятельности, появлением нового, буржуазного начала в социальной жизни. В основу новой социальной структуры были положены экономические признаки, а не нормативно-сословное деление. В городах корпоративные ценности формировали специфические характеристики социальной и профессиональной жизни различных слоев общества. Процесс самоидентификации различных социальных слоев российских горожан приводил к возникновению конфликтов.

В ходе самоидентификации купечества как составной части российского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в. мы выделяем четыре уровня. Первый, внешний, уровень связан с идентификацией предпринимательского сословия в противовес другим (в первую очередь дворянству), занимающимся коммерческой деятельностью, чаще всего подкрепленной государственными экономическими гарантиями. Второй уровень связан с идентификацией купечества как основной составляющей предпринимательского слоя, в противовес другим социальным группам, занимающимся торговлей (мещанству, крестьянству). Третий уровень проявлялся в самоидентификации конкретного купца или группы купцов (торговый дом) за счет формирования стабильной коммерческой репутации, позволявшей успешно конкурировать с торгово-промышленными партнерами. Четвертый, индивидуальный, уровень проявлялся в ментальных характеристиках человека (коммуникабельность, коммерческий азарт), позволявших ему выделяться среди других купцов-предпринимателей.

При этом структурные и динамические характеристики конфликтов были различными. В ряде случаев (первый уровень идентификации) конфликты носили характер скрытого противостояния, иногда они выливались в открытые столкновения интересов (конфликты второго и третьего уровней) или выражались во внутренних нравственных противоречиях (конфликт четвертого уровня). Несмотря на внешние отличия, последствия конфликта в основном были позитивными, то есть конфликт являлся продуктивной основой культурного развития.

Ярким проявлением конфликтного противостояния купечества на первом и втором уровнях самоидентификации являлись межгрупповые конфликты, субъектами которых становились социальные группы, конкурировавшие между собой в силу различных причин, в различных условиях и формах, с различной степенью напряженности и интенсивности. Такие конфликты были обусловлены не только реально существовавшими столкновениями интересов, целей, стремлений, но и особенностями индивидуальной и групповой идентификации, производящей разделение взаимодействующих социальных групп на «своих» и «чужих» и влекущей за собой их конфликтное противостояние.

Примеры противостояния горожан формирующемуся предпринимательскому слою мы находим в уездных городах Вятской губернии XIX в. При этом

конфликты, инициированные, как правило, горожанами, приобретали характер двусторонних. Случалось, что в ответ на противодействие городского общества их замыслам предприниматели пытались применять экономические меры воздействия на противника. В 1895 г. елабужский купец И.Г. Стахеев обратился к городским властям с просьбой выделить ему участок земли, расположенный между городом и деревней Подмонастыркой. Коммерсант рассчитывал разместить на этой земле бак для слива керосина. Ссылаясь на сложную пожароопасную обстановку в городе, городская дума отказала предпринимателю в его просьбе. В ответ купец поднял цены на керосин на 4 копейки за фунт, а поскольку он был единственным оптовым поставщиком керосина в городе, эта мера отрицательно отразилась на всех слоях горожан (ИГ). Приведенный случай является примером так называемого ресурсного конфликта, связанного с распределением средств жизнедеятельности (материальных средств и территории).

Конфликтные ситуации не только противопоставляли интересы купечества и городского общества, но и стимулировали довольно вяло текущие процессы внутренней самоидентификации предпринимателей. В Российской империи гильдейская принадлежность не носила кастового, закрытого характера. Разбогатевший уездный купец мог подняться по гильдейской лестнице, в то время как его менее успешный собрат мог вообще перейти в разряд мещан. Если же добавить к этому законодательные коллизии, постоянно менявшие гильдейский статус и количество гильдий, то отсутствие внутренней корпоративной культуры, свойственной отдельным гильдиям, покажется неудивительным. Но в том случае, когда речь шла о выражении интересов купечества как социальной группы, купцы выступали единым фронтом. Например, когда в 1872 г. в Вятской губернии стал рассматриваться вопрос об обложении иногородних купцов 1-й гильдии, ведущих в городах оптовую торговлю сборами в пользу города наравне с местными купцами, уездное купечество единогласно высказалось за это решение. Иногородние купцы составляли конкуренцию местному купечеству, при этом находились в более выгодном положении, так как выплачивали в пользу города пошлины за один билет на торговое или промышленное предприятие, в то время как местные купцы выкупали билеты с уплатой соответствующих пошлин на каждое торговое заведение. Например, по городу Котельничу в 1873 г. «было объявлено иногородними купцами той и другой гильдии капиталов 17, в том числе один капитал 1-й гильдии, от которых получено в пользу города доходов 191 руб. Местных же купцов... в 1873 г. 1-й гильдии – 3 капитала, и 2-ой гильдии 24 капитала, от первых город получил 316 руб. 30 коп., а от последних – 497 руб. 35 коп.» (Г1). И в этом случае в основе межгруппового конфликта лежала борьба за ресурсы.

Предпринимательство – сфера деятельности, которая предполагает проявление особых индивидуальных качеств человека: не только инициативности и самостоятельности, но и умения рисковать. Азарт и риск в организации коммерческих сделок являлись одной из черт менталитета купеческого сословия. Эта ментальная установка была свойственна практически каждому представителю купечества, поскольку формировалась в повседневной жизни, в приемах организации досуга и развлечений. Увлечение карточной игрой, конские бега, кулачные бои – вот далеко не полный перечень популярных в купеческой среде

развлечений, ход которых часто провоцировал возникновение конфликтных ситуаций. Предметом подобных конфликтов является противопоставленность форм поведения. Нолинский купец во время проведения ярмарки в Котельниче в 1897 г., чтобы доказать свою правоту в споре, предложил пари и «взялся за 100 рублей» простоять целый час босиком на льду. Такое занятное пари не только не вызвало порицания у других коммерсантов, казалось бы, занятых торговлей на ярмарке, но и привлекло массу зрителей. «Вытащили на улицу столы, расселись кругом их крупное купечество с приличной случаю выпивкой, и началось представление! Стоит нолинский коммерсант босыми ногами на льду десять минут стоит, стоит полчаса... Выстоял! Получил 100 целковых» (ВК1).

Особый интерес при рассмотрении споров вызывают обидные слова и выражения, которыми обменивались участники конфликта: как известно, язык конфликта является одной из характеристик самосознания. В споре по поводу незаконного наследования капиталов орловским купцом Матвеем Синцовым челоубитчик, «законный наследник» купец Василий Булычев выдвигает ряд жестких условий, предусматривающих не только восстановление его в правах наследования, но и общественную огласку дела, что серьезно подорвало бы коммерческую репутацию предпринимателя-обидчика. В жалобе он гневно просит: «1) отобрать от приказчика Матвея Синцова и его поверенного все захваченные им имения... 3) известить через газеты публику, дабы должники Матвею Синцову денег нисколько не платили... 7) учинить надлежащее определение о том, что Митрофан Синцов назвал его (Булычева. – *И.М.*) зловредным человеком, ищущим его погибели...» (Г2).

Показательно в этом отношении и дело о жалобе поверенного из среды крестьян Осипа Евгеньевича Гоголева на купца Стахеева в прошении на имя Вятского губернатора. Вызывает удивление торжественный стиль жалобщика, благодаря которому прошение из официальной, делопроизводственной бумаги превращается в памфлет против купечества. Столкнулись «две равные стремление (стремительные. – *И.М.*) силы: с одной стороны монополист и многомиллионный капиталист Елабужской 1-й гильдии купец И.Г. Стахеев, с другой – власть местной администрации от правительства...» (Г3, л. 1). Изначально автор прошения противопоставляет купца официальным властям. В дальнейшем Гоголев, не скупясь на отрицательные эпитеты, продолжает: «Неужели живой человек, может молчать безропотно, дозволить себе запускать змею за пазуху? А такой дракон как Стахеев высосет все жизненные соки. Недаром в елабужском уезде ходят легионы нищих потому, что миллионер Стахеев, начиная от мануфактурной торговли до продажи калачей, отнял всякую возможность к пропитанию уездов. Его мельничные заводы, пароходождения, его повсеместно распространенная винная торговля с многочисленными подставными личностями убивают всю народную жизнь» (Г3, л. 2). Возникает вполне закономерный вопрос: почему экономическое процветание края, а ведь именно о нем ведет речь крестьянский поверенный, говоря о заводах и пароходствах, о развитии торговли, вызывает ухудшение в положении народа. Словосочетанием «подставные личности» назван огромный штат стахеевских приказчиков, которых Стахеев обеспечивал не только рабочими местами, но и достойным вознаграждением за их труд.

Что касается нищих, то они были проблемой Российской империи в целом. Более того, именно в Елабуге вопросам оказания социальной помощи населению уделялось большое внимание. На средства того же И.Г. Стахеева в 1884 г. был построен дом призрения для лиц, просящих милостыню, а его дядя, И.И. Стахеев, основал благотворительный комитет, средства со счетов которого ежегодно выделялись на поддержание неимущего населения. При участии Стахеевых содержались 29 бесплатных народных столовых. В неурожайные годы организовывались десятки специальных пунктов, в которых пшено и мука выдавались на руки нуждающимся [3, с. 107–108].

Вернемся к сути инцидента, вызвавшего недовольство крестьян. В 1883 г. И.Г. Стахеев с разрешения сельского общества построил в деревне Ижевское Устье дом «для питейной продажи». При этом Стахеев обязался выплачивать за предоставленную под строительство землю 250 руб. в год. Еще одним условием выделения земли под строительство было то, что питейная торговля в этом доме должна была осуществляться не более полутора лет; по истечении же указанного срока «тот дом, со всеми к нему строительными приспособлениями будет передан нашему (крестьянскому. – *И.М.*) обществу безвозмездно» (ГЗ, л. 1). Жители деревни планировали разместить в этом добротном строении приходское училище. То есть когда крестьяне давали согласие на строительство питейного заведения, они в первую очередь думали о выгодах, которые принесет эта сделка их селению. Но «кабак и табак испортили нравственность нашей молодежи, ее боязнь старших членов семьи побудила укрываться по задворищам и сеновалам, где курение табаку произвело пожар, истребивший зараз 39 домов» (ГЗ, л. 1 об).

Косвенную вину за происшедшее крестьяне возложили на купца-вино торговца. Более того, они подчеркивали: деятельность предпринимателя нанесла прямой ущерб государству.

И.Г. Стахеев действительно нарушил часть ранее оговоренных условий. В частности, продажа алкогольных напитков продолжалась и после оговоренного срока, но теперь кабак разместился в доме местного жителя Михаила Абрамовича Белоусова. Возмущение общественности вызвал и факт поддержки местными властями, в частности, становым приставом, действий Стахеева. Возмущение поведением купца и местной администрации выразили сразу 80 крестьян, фамилии которых значились в жалобе. Отметим, что в деревне Ижевское Устье проживало 680 человек, то есть фактически каждый восьмой житель подписал документ.

Не найдя поддержки в среде местных властей, крестьяне подали жалобу на имя министра внутренних дел. Но исход дела был решен в пользу купца: «Вино торговлю купца Стахеева в означенной местности, разрешенную Елабужским по питейным делам присутствием, признать правильною» (ГЗ, л. 21). Объяснялось такое решение тем, что, согласно законодательству, открытие винных лавок разрешалось с таким расчетом, чтобы на каждые 500 душ населения приходилось не более одной винной лавки (СЗРИ).

Разногласия, возникавшие между купцами и горожанами, находили выражение не только в конфликтных отношениях, но и в оценочных характеристиках и эпитетах, которыми награждали их современники. И.Г. Стахеев – «елабужский

Зевс, богач, потерявший счет своим миллионам». «Наш Крез», – пишет корреспондент, сообщая о благотворительной деятельности слободского купца Ончукова. Подобные эпитеты зачастую отличались негативной окраской и использовались как намеки на алчность купечества. «И в силу только капитала, этого елабужского божка, избирают на общественные должности, хотя настоящее место его за прилавком» (ВК2). С одной стороны, общественность, без сомнения, признавала лидирующее положение богатых купцов, с другой – подчеркивалось их народное происхождение и высмеивалось их желание подняться по социальной лестнице.

Одним из видов конфликтов являются внутриличностные конфликты, которые довольно сложно проследить, учитывая хронологическую удаленность происходящих событий.

Часть переживаемых человеком внутренних конфликтов описывается современными исследователями в качестве ролевых [4, с. 4]. К их появлению может привести возникновение противоречий между ролевыми позициями личности, ее возможностями и соответствующим ролевым поведением. Личность рассматривается как система ролей, выполняемых во взаимодействии с другими людьми (гражданин – предприниматель). Каждая из ролей имеет свое содержание: образец действий, реакций на поступки других членов группы, определенные навыки, умения. На сочетаемость этих ролей обществом наложены некоторые ограничения, обеспечивающие социальный порядок и стабильность.

Кроме того, для каждого человека существуют наиболее важные, так называемые эталонные, роли, через которые он реализуется в первую очередь. Чем более значимыми для личности являются несочетающиеся роли, тем острее оказывается противоречие между ними. В качестве основных структур внутреннего мира личности, вступающих в конфликт, рассматриваются мотивы (потребности, интересы, желания), выражаемые на языке человека понятием «хочу». Ценности, выступающие как эталоны в силу принятия их личностью или вынужденности следовать им, выражаются понятием «надо». Разновидностью внутриличностного конфликта является нравственный конфликт, в основе которого лежит противоречие между желанием (или нежеланием) и долгом, между моральными принципами и личными привязанностями. Яркий пример внутриличностного конфликта в среде купечества – ситуация, возникшая в процессе устройства реального училища в г. Елабуга. В 1874 г. во время общественного обеда, устроенного в честь елабужского купца Дмитрия Ивановича Стахеева, возникла идея начать сбор средств на устройство реального училища. Инициаторами нового начинания были Д.И. и И.Г. Стахеевы, которые пожертвовали сумму в 35 000 руб. (ИЗ). Сделали пожертвования и другие елабужские купцы: Е.Е. Емельянов – 9 000 руб., П.К. Ушков – 9 000 руб., И.М. Шабалин – 3 000 руб., Ф.П. Гирбасов – 3 000 руб.

Несмотря на то что идея нашла широкий отклик в среде местного купечества, собранных средств оказалось далеко не достаточно для такого большого дела, как устройство и содержание училища. Тогда было принято решение привлечь к делу постройки училища «первостепенного елабужского капиталиста» И.И. Стахеева. Благотворительная помощь, оказываемая им, как справедливо замечали современники, носила односторонний характер. «Он жертвовал

большие суммы на постройку храмов, монастырей и не отказывал никогда бедному крестьянскому люду. Такую благотворительность – и на дела милости телесной он понимал, а всякую иную форму ее не считал истинной, спасительной для души благотворительностью» (ИЗ, с. 6).

В просьбе о содействии в строительстве училища И.И. Стахеев елабужанам решительно отказал. Причиной отказа стало, скорее всего, не непонимание пользы образования, а попытка приостановить распространение идей нигилизма, царивших тогда в большинстве средних и высших школ. «С именем средней школы светского характера в воображении Иван Ивановича соединялась ужасная мысль о том, что в ней учат безбожию, неверию и таким образом, отнимают у детей самое дорогое сокровище у человека – веру в бога» (ИЗ, с. 6).

Понимая, что переубедить человека, столь ревностно относящегося к церкви, может лишь ее представитель, городской голова А.Д. Кусакин обратился за помощью к епископу Савве Тверскому, мнением которого И.И. Стахеев очень дорожил. Получив от епископа решительный совет и благословление на пожертвование капитала, И.И. Стахеев выделил на устройство училища 100 000 руб. – сумму, втрое увеличившую пожертвованный на открытие училища капитал. Нежелание способствовать прогрессу, противоречащему церковным канонам, вступило в противоборство с долгом оказания помощи обществу. Конструктивное разрешение конфликтной ситуации стало основой культурного развития, причем не только елабужского общества, получившего новое учебное заведение, но и самого купца, который, став попечителем реального училища, вынужден был приобщиться к наукам.

Примером нравственного внутриличностного конфликта также может служить ситуация сложившаяся в фирме торгового дома «И.Г. Стахеев» в годы Первой мировой войны.

Сарапульская газета «Кама» в феврале 1915 г. опубликовала статью «Елабуга. Наши патриоты». Корреспондент из Елабуги сообщал об интересном, и, как выяснилось позднее, незаконно организованном социальном проекте компаньонов торгового дома «И.Г. Стахеев» Николая и Григория Ивановичей Стахеевых. Чтобы передать сарказм современника по отношению к предпринимателям, приведем цитату из статьи. «Они затеяли, должно быть по мягкосердечию своему, “доброе дело” – освобождение от воинской повинности своих служащих» (К). Напомним, что в этот период шла Первая мировая война, и выполнение воинской повинности означало отправку на фронт. Удивление и возмущение корреспондента вызвал тот факт, что никто из служащих торгового дома не попал в списки мобилизованных. Стахеевым удалось освободить своих работников от призыва вполне законным, по их мнению, способом. Согласно законодательству Российской империи от воинской повинности освобождались лица, работавшие на речных и морских судах. Стахеевы уже с конца XIX в. владели огромным флотом речных торговых судов. Так накануне мобилизации большинство их служащих оказались «нанятыми на “стахеевскую флотилию” капитанами, их помощниками, лоцманами, штурвальными и др.». В основе внутриличностного конфликта в данном случае противоречие между ролями «Стахеевы – патриоты» и «Стахеевы – предприниматели». С одной стороны, трудно обвинить предпринимателей в отсутствии патриотизма, учитывая их благотворительные

взносы в пользу российской армии. С другой стороны, мотивом их поступка было, скорее всего, желание сохранить штат служащих и, соответственно, прибыль. Вместе с тем сложно объяснить понятие «патриотизм» женщине, муж которой уходит на фронт, оставив у нее на руках шестерых маленьких детей, или матери, отправляющей на фронт единственного сына. И супруга, и мать будут до скончания дней своих видеть в хозяине торгового дома отца и благодетеля, который попытался, пусть и ради собственных интересов, застраховать семьи от возможной утраты кормильца. Так или иначе, по названному факту было проведено расследование, братьев Стахеевых оштрафовали, а их служащие, подлежащие мобилизации, были отправлены на фронт.

На первый взгляд в приведенном примере внутриличностного конфликта позиция «хочу» и роль предпринимателя одержала верх над позицией «надо» и ролью гражданина. Но этот вывод кажется уже не столь убедительным, когда мы узнаем, что Стахеевы продолжали поддерживать семьи своих служащих, ушедших на фронт. Елабужанка В.А. Черемных вспоминала, что ее отец, Александр Петрович Бусыгин, служил приказчиком у И.Г. Стахеева. Хозяин отправил его на работу в Рыбинск, где у Стахеевых были торговые предприятия, откуда его мобилизовали в армию. Пока А.П. Бусыгин находился в армии, Стахеев выплачивал супруге своего приказчика его жалование, а также оплачивал обучение его детей: дочери в женской гимназии, а сына в реальном училище Елабуги [5, с. 143].

Таким образом, в структуру внутриличностного конфликта включается новый фактор и новая роль – заботливого хозяина, которая при определенных обстоятельствах вполне может рассматриваться как активная гражданская позиция. И в этом случае мотивационная установка «надо» доминирует над позицией «хочу».

Конфликтные ситуации, возникавшие в среде купечества, имели в своей основе целый ряд причин. Чаще всего они были вызваны финансовой нестабильностью купцов. Желание получить прибыль и сохранить коммерческое дело буквально толкали купцов на конфликты. Важной причиной являлась также противоречивость социального статуса купечества: даже богатых предпринимателей не воспринимали в дворянской среде как равных, а средние и мелкие сословия горожан считали «эксплуаторами-богачами» даже купцов средней руки. Конфликты становились результатом недостаточной коммерческой грамотности и общей культуры представителей третьего сословия.

В целом конфликтные ситуации, возникавшие в среде купцов уездных городов Вятской губернии, не следует рассматривать негативно. Более объективным мы считаем рассмотрение противоречий как фактора, способствующего развитию социального целого. В сущности, тот факт, что именно благодаря внутригрупповым противоречиям осуществляется развитие группы и ее переход на более высокий уровень функционирования, является достаточно убедительным подтверждением конструктивных возможностей конфликта и свидетельствует о необходимости изучения конфликтов в истории.

Summary

I.V. Maslova. Conflict as a Means for Self-Identification of the Provincial Merchant Class of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Century.

We analyze the role and the meaning of conflicts in the history of Russian enterprise in the late 19th – early 20th century. By the example of the district towns of Vyatka Province, we examine different types of conflicts between townspeople.

Key words: conflict, entrepreneur, merchant class, Vyatka Province, everyday life.

Источники

- ИГ – Елабуга. Иван Григорьевич Стахеев рассердился // Вятский край. – 1895. – 18 июня.
 Г1 – ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. 582. Оп. 92. Д. 111. Л. 9 об.
 ВК1 – Котельнич // Вятский край. – 1897. – 18 марта.
 Г2 – ГАКО. Ф. 582. Оп. 45. Д. 603. Л. 2 об.
 Г3 – ГАКО. Ф. 582. Оп. 95. Д. 117.
 СЗРИ – Свод законов Российской империи. Т. 5. Уставы об акцизных сборах. Кн. 2. Ст. 665.
 ВК2 – Елабуга // Вятский край. – 1895. – 24 окт.
 ИЗ – Историческая записка о состоянии реального училища за 25 лет его существования (1878–1903) / Сост. П. Дернов. – Елабуга, 1903. – 104 с.
 К – Елабуга. Наши патриоты // Кама. – 1915. – 18 февр.

Литература

1. *Бутова Е.* Конфликтология. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks, свободный.
2. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2006. – 464 с.
3. *Маслова И.В.* Купеческая династия Стахеевых. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ. – 144 с.
4. *Игнатович К.В.* Виды конфликтов. – Казань, 2004. – 78 с.
5. *Маслова И.В.* Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX – начала XX века. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 352 с.

Поступила в редакцию
30.11.11

Маслова Инга Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Елабуге.

E-mail: Saveli3@yandex.ru